

Игорь Лисицын

За чертой

РеНОК

18+

Игорь Лисицын
За чертой. Сборник рассказов

«Автор»

2026

Лисицын И.

За чертой. Сборник рассказов / И. Лисицын — «Автор», 2026

Сборник «За чертой» — это хроники города, где в девяностые всё решали не в кабинетах, а на стрелках. Где один звонок авторитета мог остановить заводской конвейер, а одна случайная пуля, навсегда забирала мать двоих детей, которая просто хотела заправить машину. Здесь бандиты ищут своих учителей, но находят чужие могилы. Женщины умирают с чужими фотоальбомами в руках от одиночества, солдаты на передовой смотрят на осенние листья и вспоминают Пушкина, не зная, увидят ли завтрашний день. А в космической тюрьме на Плутоне рассказывают байки о старой Земле, потому что даже за миллионы километров от дома «понятия» остаются понятиями. Пять циклов — от криминального Тольятти до мистики и суровой правды о СВО. Это жесткая, честная и человеческая проза. Для тех, кто помнит. Для тех, кто знает, что за чертой — ничего не кончается. Только начинается.

© Лисицын И., 2026

© Автор, 2026

Игорь Лисицын

За чертой. Сборник рассказов

Игорь Лисицын

За чертой
Сборник рассказов

От автора

Я вырос в Тольятти. Городе, который любят только свои. Который помнят только те, кто в нём жил и дышал его воздухом — воздухом заводских труб, волжской сырости и вечных девяностых.

Здесь смешались судьбы. Бандиты, делившие город на «крыши», и женщины, просто хотевшие жить по-человечески. Солдаты, пришедшие с войны. Те, кто так и не понял, зачем они туда пошли.

В этом сборнике нет правильных и неправильных. Есть живые. Бывшие живые. И те, кто ещё не понял, что они уже мертвы.

Некоторые имена изменены. Некоторые — нет. Некоторые истории — чистая правда. Некоторые — правда, которая могла бы случиться. А некоторые — просто кошмар или чистая выдумка.

С уважением

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ К КАЖДОМУ ЦИКЛУ

К ЦИКЛУ «ВОЛЖСКИЙ ФРОНТ»

Это не детективы. Это хроники. Хроники города, который в девяностые стал полем боя без линии фронта. Здесь убивали за место на рынке, за «крышу», за неуважение. Здесь бандиты были единственной властью, а честные люди просто пытались не попасть под раздачу.

Но это — не история бандитов. Это история людей, которые оказались внутри системы. Кто-то управлял ею. Кто-то был жертвой. Кто-то просто жил рядом, пока пули свистели над головой.

И только один человек в этом городе мог остановить главный конвейер завода одним звонком. Его звали Папа.

К ЦИКЛУ «ХРОНИКИ ОДИНОЧЕСТВА»

Самые страшные истории случаются не в перестрелках. Они случаются в тишине кухонь, в одиноких комнатах, в молчании между людьми, которые когда-то любили друг друга.

Здесь нет героев. Есть мужчина, который убивает жену из-за неудачной пятницы. Есть женщина, которая умирает с чужим фотоальбомом в руках. Есть парень, который погибает по глупости, потому что никто не заметил его таланта.

И есть алкоголик, который увидел Ад. Буквально.

К ЦИКЛУ «ЗА ЧЕРТОЙ»

Человеческий мозг — странный орган. Он может придумать всё, что угодно, чтобы защитить себя от боли. Или, наоборот, — чтобы наказать себя за вину.

Когда реальность становится невыносимой, мы уходим в сны. А когда сны становятся реальностью — мы перестаём понимать, где находимся.

В этом цикле границы стёрты. Прошлое становится настоящим. Ноги, которых нет, бегут по полю боя. А в космической тюрьме на Плутоне рассказывают байки о старой Земле.

К ЦИКЛУ «СВО»

Война — это не только фронт. Это тыл, который ждёт и не понимает. Это сообщения, которые не всегда доходят. Это страх, который не проходит даже в отпуске. И это женщины, которые отказываются убивать, потому что враг похож на мужа.

Я не хочу писать о политике. Я хочу писать о людях. О тех, кто сидит в блиндаже и пьёт кофе «Жокей». О тех, кто пишет дочке про красивую осень, хотя вокруг — мины и смерть. О тех, кто возвращается без ног и не может понять, где настоящая жизнь — там, в окопе, или здесь, в коляске?

Это не героический эпос. Это дневник выжившего.

К ЦИКЛУ «ЭПИЛОГИ»

Три рассказа, которые нельзя отнести ни к одному жанру. Три попытки ответить на главные вопросы.

Первый — о любви. Точнее, о том, что мы принимаем за любовь.

Второй — о друзьях. Точнее, о том, что мы выдумали это слово.

Третий — о смерти. Точнее, о том, что жизнь — всего лишь служба, а смерть — долгожданный дембель.

Читайте в конце. После того, как переживёте всё остальное.

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ

Волжский фронт

Город, где слово «разборка» имеет два смысла: юридический и смертельный. Где авторитеты правят бал, а справедливость измеряется в пачках долларов и сроках.

ЖИГУЛЬ

Север вышел за ворота, шурясь от яркого белого света. Двадцать пять лет по этапам, с перерывами на волю. Последняя ходка — пять лет, но за плечами у него было столько, что иные и за всю жизнь не набирают. Вор в законе, коронованный в Иркутской зоне и признанный везде — от Владивостока до Калининграда.

«Мерин» S-класса с тонированными стёклами подъехал прямо к воротам тюрьмы. Навстречу вышли Лысый и Боря — его ближние, проверенные. Обнялись. А в машине уже ждала бутылка коньяка и горячие пирожки от матери Лысого.

— С возвращением, Север. — Лысый разлил коньяк по бокалам. — Домой?

— Ага. В баньку хочу. Отмокнуть.

— Сделаем.

Машина тронулась, а Север откинулся на сиденье и смотрел, как ветер с Ангары раскачивает голые деревья и кружит снегом. Двадцать пять лет — это почти жизнь. Он вышел седым, хотя ему не было и пятидесяти.

Первый раз сел в семнадцать. Подростковая дурость — драка с ментами. Попал в камеру к взрослым, думал — всё, край. Там его и приметил Жигуль. Смотрящий был, с весом. Увидел в пацане не шваль, не шестёрку, а что-то своё, волчье.

— О чём задумался, Север? — спросил Боря, оборачиваясь с переднего сиденья.

— Вспомнил кое-что. — Север помолчал. — Свою первую ходку. Повезло мне тогда. Человека хорошего встретил, который многому научил.

— А чему учил-то? — Лысый глянул в зеркало заднего вида.

— Всему. — Север усмехнулся краем рта. — Как по жизни идти. Что вор — это не тот, кто украл, а тот, кто закон блюдёт. Что слово дороже денег. Что на зоне главное — не сила, а мозги и правильная статья. Кому верить можно, а кому — никогда. С нужными людьми меня свёл. Если б не он — неизвестно, как бы всё обернулось.

— А где он сейчас? — Лысый притормозил на светофоре.

— Вышел давно. Лет пятнадцать назад. И пропал. Следы затерялись. Даже не знаю, жив ли.

Лысый переглянулся с Борей.

— Так найдём, — уверенно сказал Боря. — Времена сейчас другие, но люди те же. Пробить человека — не проблема.

— Найдёте — хорошо. — Север допил коньяк. — Должен я ему. По-крупному должен.

— Как его звали по паспорту? — спросил Боря.

— Лукошкин Иван Петрович, — ответил Север. — Простая русская фамилия. Для своих — Жигуль.

Через неделю Лысый приехал к нему на хату сам. Без звонка, без предупреждения. Сел за стол и положил перед собой папку.

— Что? — Север нахмурился. — Нашёлся?

— Нашёлся, — глухо ответил Лысый. — Только...

— Что?

— Умер он, Север. Давно. Пятнадцать лет назад, почти сразу как вышел.

Север промолчал. Потом взял папку, раскрыл её: ксерокопия свидетельства о смерти, адрес. Тольятти, улица, дом...

— Могила там?

— Там. — Лысый замялся. — Но родственники у него небогатые. Жена, вроде, болела долго, деньги все на лечение ушли. Похоронили скромно. Оградку простую поставили, памятник дешёвый, почти казённый.

— А дети?

— Сын есть. Тоже не при деньгах. Грузчиком работает на рынке.

Север закрыл папку, встал и подошёл к окну.

— Так не пойдёт, — сказал он тихо. — Надо почтить.

В апреле у Севера была сходка в Самаре. Вопросы решили быстро, споров почти не было. Север сидел во главе стола, слушал, кивал, изредка вставлял веское слово. Положенец, бродяга со стажем — его уважали.

После сходняка он задержался в гостинице. Нашёл местных через общих знакомых. Бандосы, контролирующие похоронный бизнес в Тольятти, явились в номер через час после звонка. Главного звали Ладан — за глаза, а в глаза — уважительно по имени-отчеству. Мужик лет пятидесяти, с тяжёлым взглядом, в дорогом костюме. Увидев Севера, мгновенно сбросил гонор.

— Присаживайся, — Север указал на стул. Ладан сел на краешек, готовый ловить каждое слово. — Фамилия Лукошкин Иван Петрович. Он же Жигуль. Умер пятнадцать лет назад. Найди мне его могилу.

Ладан кивнул, вышел в коридор, кому-то позвонил. Вернулся через пять минут.

— Нашёл, Север. Это ТоАзовское кладбище, участок сто двенадцать, могила сорок восемь. Лукошкин И. П. — зачитал он с экрана смартфона.

— Хорошо. — Север открыл перед ним дипломат, набитый наличными. — Поставишь там памятник. Самый дорогой камень, какой есть. В полный рост. С площадкой. С оградой — чтоб люди смотрели и завидовали. Чтоб стояло — век простоит. Камеры поставь, охрану. Чтоб порядок был. Понял?

Ладан смотрел на деньги и, кажется, не верил своим глазам.

— Сделаю, Север. Всё сделаю, как надо.

— И ещё... Если придут родственники, ты встретишь их по красоте, как от меня. Человек этот — большой авторитет. Должен я ему, понял?

Ладан сглотнул и закивал.

Слово он сдержал. А Север не проверял — зачем? Он знал: и так всё сделают.

Тольятти

В небольшой квартирке на улице Юбилейной Галина Михайловна собирала сумку: завтра Пасха, надо на кладбище ехать. Муж у неё был простой — всю жизнь на ВАЗе проработал, двигатели собирал. В молодости погулял, попал в драку, год отсидел по малолетке и вышел досрочно за примерное поведение. Больше никогда не привлекался. И умер, как жил, — тихо, без шума. Хорошо, хоть похоронили по-людски, не хуже других. Ушёл рано — инфаркт.

— Мам, я лопаточку взяла, — сказала дочь Катя, заглядывая в комнату. — И щетку. Цветы купили?

— Купили. Тюльпаны.

— Ограду бы покрасить надо, — вздохнул сын Сергей из коридора. — Совсем облезла.

— Покрасим, — отозвалась Галина Михайловна. — Всё покрасим.

Утром приехали. Машину оставили у входа, пошли пешком по знакомой дорожке. Сын нёс щетку и лопату, дочь — тюльпаны, Галина Михайловна — сумку с краской и кисточками. Прошли мимо свежих могил, мимо старых, памятных.

Подожли к участку и остановились.

— Мам... — Сергей замер с открытым ртом.

Галина Михайловна смотрела и не понимала. На месте скромной могилки, где лежал её Игорь Павлович, высился целый мемориальный комплекс. Гранит чёрный, полированный до зеркального блеска — такой камень небо отражает. Фигура в полный рост: мужчина в дорогом костюме, руки сложены на груди, на пальцах перстни; мастера с натуры не лепили, но передали

стать, породу. Вокруг плитка итальянская, крупноформатная, с подогревом — зимой снег тает сам. Ограда кованая, с узорами, выше человеческого роста — как у собора. Камеры по углам на тонких столбах, незаметные, но зоркие. А перед памятником — гранитная скамья, чтоб было где посидеть, подумать. А на венках — ленты: «С уважением от братвы», «От пацанов», «Скорбим. Жигулю от людей».

Катя выронила цветы. Тюльпаны упали на плитку и лежали, как на картинке.

— Это что? — прошептала она.

— Не знаю, — так же шёпотом ответила мать.

Сергей шагнул вперёд, всматриваясь в надпись на памятнике. На полированном граните — фамилия, имя, даты.

Лукошкин Игорь Павлович. Год рождения — тот же. Год смерти — тот же.

— Это он, — Сергей побледнел. — Это папа.

Из-за ограды выскочил охранник. Крепкий парень в форме. Он всмотрелся в их лица и что-то быстро сказал в рацию. Через три минуты появился запыхавшийся директор кладбища в длинном чёрном пальто, а с ним — несколько крепких мужчин в дорогих куртках. Один из них, Ладан, оглядел родственников с ног до головы. Потом лицо его расплылось в улыбке.

— Галина Михайловна! Наконец-то! — Директор схватил её руку, стал трясти. — Мы вас так ждали!

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — опешила она.

— Как же, как же, — закивал директор. — Заказчик распорядился. Светлая память Игорю Павловичу! Большой был человек.

— Какой большой? — вмешался Сергей. — Он слесарем был. Всю жизнь на заводе.

Мужчины переглянулись. Ладан шагнул вперёд, положил руку Сергею на плечо.

— Не переживай, мы всё сделали, как положено. Заказчик очень просил передать, что помнит и чтит. Сказал, что обязан Игорю Павловичу по гроб жизни. Жигуль, говорил, научил меня всему.

— Жигуль? — переспросила Катя. — Это кликуха?

Ладан развёл руками:

— Вы не переживайте, всё по-честному. И вот...

Он достал из кармана толстый конверт, протянул Галине Михайловне. Она заглянула и отшатнулась — кроме толстых пачек денег, там были ключи от машины и документы на квартиру.

— Да вы что... — прошептала она. — Это не наше. Ошибка какая-то.

— Ошибок не бывает, — Ладан стал серьёзным. — Всё по понятиям. Вы жена Игоря Павловича? Значит, ваше.

Галина Михайловна молчала. Она смотрела на гранитную фигуру — чужую, величественную, и вдруг подумала: а может, она и правда не знала мужа? Может, он уходил на завод, а потом... Потом что? Она вспомнила его поздние возвращения, его молчаливость, его взгляд иногда — тяжёлый, будто он видит что-то, чего она не видит. Раньше думала — устал. А теперь...

Подъехали ещё машины. Какие-то люди в костюмах, чиновники, даже съёмочная группа местного телевидения. Жену и детей окружили, жали руки, говорили какие-то слова.

Галина Михайловна отвечала в камеру:

— Мы не знали... Он никогда не рассказывал... Наверное, берёт нас...

— А вы, Сергей Игоревич, — микрофон повернули к сыну. — Отец с вами этим не делился? Может, намекал?

Сергей посмотрел на ключи от машины в своей руке. Потом на памятник. Потом на мать.

— Ни разу, — сказал он твёрдо. — Но теперь мы понимаем: он был уважаемым человеком. Мы гордимся.

К вечеру видео разлетелось по пабликам, а через два дня сюжет показали по центральному телевидению.

Иркутск

Север сидел в кресле перед огромным телевизором, пил чай и смотрел новости. Мелькали кадры: Тольятти, ТоАзовское кладбище, чёрный гранит, фигура в полный рост, скамья, ограда. Оператор вёл камеру медленно, показывая каждую деталь. Дикторша вещала бодрым голосом:

— ...Сенсационная история произошла в Тольятти. На могиле простого слесаря с Волжского Автозавода Игоря Лукошкина установили роскошный памятник стоимостью несколько миллионов рублей. Родственники покойного утверждают, что ничего не знали о возможных связях мужа и отца с криминальными структурами. Однако, судя по всему, Лукошкин вёл двойную жизнь. По словам представителей похоронного бизнеса, заказ поступил от авторитетного вора в законе по кличке Север, который называл покойного своим учителем и наставником. Сам Север в настоящее время...

Север поперхнулся чаем. Поставил кружку, подался вперёд.

На экране показали женщину. Она стояла у той самой могилы, сжимая в руках платок, и говорила в камеру. Глаза у неё были растерянные, но голос звучал ровно.

— Мы до сих пор не можем прийти в себя. Игорь всегда был таким простым, домашним... Наверное, он берёт нас. Не хотел, чтобы мы знали. А теперь... Теперь мы понимаем, что его уважали очень серьёзные люди. Этот Север... Спасибо ему, что почтил память.

Север смотрел на экран, и до него медленно доходило. Лукошкин Игорь Павлович. Не Иван Петрович. Не Жигуль. Фамилия та же, инициалы «И.П.» совпали, а отчество и имя перепутали. Это не та могила!

Он потянулся к телефону.

— Не надо, — Лысый возник в дверях бесшумно. — Не звони.

— Почему?

— Подумай, Север. Ты вор в законе, тебя знают от Москвы до Владивостока. Если сейчас признаешься, что из-за твоей ошибки поставили памятник не тому, над тобой все смеяться будут. Скажут: Север могилы перепутал, фраерам памятники ставит. А те, кто тебя недолюбливает, вспомнят эту историю при случае. Ты уверен, что хочешь такого позора? На старости лет?

Лысый выключил телевизор.

— Оставь как есть. Тем более, та семья теперь при деньгах и почёте. А настоящему Жигулю уже всё равно.

Север ничего не ответил.

Через год

Север приехал в Тольятти один. Без Лысого, без охраны. На кладбище купил простые гвоздики и лопату. Долго плутал между покосившимися крестами.

Нашёл.

Маленький холмик, заросший травой по пояс. Памятник из дешёвого камня покосился, табличка стёрлась почти до дыр. Лукошкин Иван Петрович. Пятнадцать лет забвения.

Север скинул куртку, повесил на оградку соседней могилы. Вырвал траву руками, подравнивал холмик лопатой. Поставил гвоздики в жестяную банку — вазы не было. Долго стоял молча.

— Прости, Жигуль, — сказал он наконец. — Попутали. Но ты же знаешь: я помню. Всё, чему учил, — при мне. А те люди... Пусть живут. Им этот памятник нужнее.

Ветер качнул верхушки деревьев. Где-то там, на другой стороне кладбища, сиял чёрным гранитом монумент человеку, которого никогда не существовало. А здесь, в забытом углу, лежал настоящий Жигуль. И только Север знал об этом.

Он постоял ещё немного, потом надел куртку и пошёл к машине. Не оглянулся.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Глава первая, в которой ничего не случается

Зимой в Тольятти темнеет рано. В четыре уже сумерки, в пять — ночь. Фонари на Обводном шоссе горят жёлтым, больничным светом, от которого снег кажется грязным ещё до того, как его тронут колёса.

Людмила выехала из дома пораньше, чтобы всё успеть до темноты. На ней была дублёнка, купленная три года назад на рынке, и шапка из кролика — муж подарил на Новый год, сказал: «Носи, ты у меня красивая». Машина — старенькие «Жигули» шестой модели, доставшиеся от отца, — прогрелась кое-как, печка грела слабо. Людмила зябко куталась, одной рукой держа руль, другой поправляя воротник.

Сын учился в пятом классе, дочка — в третьем. Муж работал на ВАЗе. Жили в Автозаводском районе, в квартире, которую получили ещё его родители. Ремонт делали пять лет назад, обои у батарей уже пожелтели. Людмила думала, что летом надо бы переклеить, но лето ещё не скоро, а там и до отпуска дожить бы.

Она вспомнила, что бензин на исходе: лампочка мигала ещё утром. Лучше заправиться сейчас. И вырулила на Обводное шоссе.

В голове крутились обычные мысли: после заправки нужно заехать в магазин, купить хлеба, молока и сыра — дети любят сыр, а вчера он закончился. Ещё надо позвонить маме: она вчера звонила, жаловалась на давление, а Людмила не перезвонила, закрутилась.

Она не думала о том, что в городе могут стрелять. Стреляли где-то там, уже в прошлом. Если не включать криминальные новости, можно было жить и не знать.

Она не знала.

В это же время от ДКиТ ВАЗа в сторону Южного шоссе выехал тёмно-синий «Рено». За рулём сидел мужчина с характерной спортивной внешностью. Рядом, на заднем сиденье, полулежал Чича. Он был молод — всего двадцать девять, — но воровская корона, полученная два года назад в ростовской зоне, делала его старше и тяжелее. Он смотрел в окно на сугробы и думал о том, зачем его пригласили на «стрелку».

Сзади ехала «десятка» с охраной. Парни были свои, с ними Чича чувствовал себя спокойно. Он вообще привык к спокойствию, потому что законник — это статус, это уважение, это право говорить и учить жизни.

— На заправку свернём? — спросил водитель, не оборачиваясь.

— Давай, — кивнул Чича.

Колонна свернула к АЗС «ВИС-Сервис». Это была обычная заправка на Обводном шоссе: два ряда колонок, касса и маленький магазинчик. В будке сидела кассирша в очках, листала журнал и зевала.

Было светло.

Глава вторая, в которой всё случается сразу

Людмила подъехала к заправке, когда машины Чичи уже заехали на территорию. Она встала в очередь за «десяткой», заглушила двигатель и полезла в сумку за кошельком. Бензин подорожал, надо бы залить литров тридцать — до зарплаты ещё неделя.

В зеркало заднего вида она увидела, как «Рено» остановился у крайней колонки, как из машин, заехавших следом, повыскакивали люди. Молодые, бритые, куртки кожаные. Людмила отвела взгляд и снова уткнулась в кошелек, пересчитывая мелочь.

Она не успела открыть дверь.

Сначала был звук. Не выстрел даже, а хлопок — резкий, сухой, как удар биты по пустой бочке. Потом второй, третий, потом очередь, длинная, захлёбывающаяся. И сразу — крик.

Людмила вскинула голову.

Рядом с «десяткой» люди падали на снег, и снег становился красным. Один из них полз к её машине, держась за живот.

Она хотела выскочить, спрятаться, но тело не слушалось. Руки вцепились в руль. И в этот момент пуля, предназначавшаяся для охраны, вошла в боковое стекло «Жигулей», пробила его и попала Людмиле в висок.

Она не почувствовала боли. Она вообще ничего не почувствовала. Просто перестала думать о бензине, о сыре, о детях, о маме, о муже, о том, что летом надо переклеить обои. Все эти мысли, которые были ей, которые были ею, исчезли в одну секунду. Вместо них осталась только темнота — тёплая и густая, как патока.

А вокруг продолжали стрелять.

Глава третья, в которой выжившие уезжают

Чича не видел, кто стрелял. Он вообще ничего не видел, кроме руля и крови на руле — крови водителя, который, уже раненый, вдавил педаль газа и погнал машину прочь с заправки, прочь от этого ада.

— Держись, — прохрипел водитель, но Чича не понял, кому тот говорит: ему или себе.

«Рено» вылетел с заправки, проскочил перекрёсток, вильнул, зацепил сугроб и пошёл юзом. Водитель уже не видел дороги: только тёмные пятна перед глазами, которые росли, сливались, становились одним большим пятном.

Триста метров. Всего триста метров он проехал.

Машина съехала в кювет, ткнулась радиатором в сугроб и замерла. Водитель уронил голову на руль и больше не поднял.

Чича выбрался. Он был ранен, но это ерунда — главное, что живой. Он стоял на дороге, в снегу, в чужой крови и своей, и смотрел на приближающиеся машины.

— Стой! — заорал он, выставляя руку.

Машина затормозила. За рулём сидел молодой парень с пассажиром такого же возраста.

— Ты чего? — спросил парнишка, глядя на окровавленного человека.

— В больницу, — сказал Чича. — Быстро.

И водитель повёз. Не спросил, кто он, не спросил, почему. Повёз, потому что так надо, потому что нельзя не везти, когда человек в крови просит.

В больнице Чичу потом нашли свои. Подъехали и забрали, увезли в Москву — подальше от города, где он хотел стать хозяином.

Глава четвёртая, в которой ничего не меняется

Людмилу нашли через час. Она сидела в своих «Жигулях», откинувшись на спинку сиденья, и лицо у неё было спокойное, будто она просто задремала в очереди на заправку. Только стекло было разбито, и снег на сиденье таял, смешиваясь с кровью.

Муж опознавал её в морге. Стоял и смотрел на это лицо, которое было её лицом, но уже не её, и не мог понять, как так вышло. Она ведь просто хотела заправиться.

Детям сказали, что мама в командировке. Потом — что мама умерла. Потом они перестали спрашивать.

В Тольятти зимой темнеет рано. В четыре уже сумерки, в пять — ночь. Фонари на Обводном шоссе горят жёлтым, больничным светом. А заправка работает до сих пор. Только название уже другое, и снег там чистый, и никто не помнит, что было двадцать пятого января две тысячи первого года.

Кроме тех, кто помнит.

Эпизод, написанный через пятнадцать лет

В Иркутской области, в одной из колоний строгого режима, нашли повешенным мужчину сорока четырёх лет. Он сидел один в камере, хотя по режиму полагалось двое, но у него были связи, и он умел договариваться. Умел когда-то.

В личном деле значилось: Шафигуллин Радик, он же Татарин, он же Чича, вор в законе. Статья была не одна. Срок — двадцать лет.

А в Тольятти, на старом городском кладбище, есть могила. Там лежит Людмила. Мать двоих детей. Женщина, которая хотела норковую шапку и переклеить обои. На памятнике — фотография, где она смеётся, и даты: 1965—2001.

ПАЛЬМА ДЖУМЕЙРА

Пальму Джумейра называют восьмым чудом света. Легенда гласит, что её строили для Брэда Питта и Дэвида Бекхэма, а заселили... свои. В смысле — наши. Те, у кого слово «ипотека» вызывает нервный тик, а вот «рассрочка от застройщика» — вполне рабочий инструмент.

Если подняться на смотровую площадку The View в башне Palm Tower, открывается поразительная картина. Видно, как хитро всё устроено: ствол, шестнадцать симметричных листьев и защитный полумесяц вокруг. Инженерная мысль, космические технологии, рукотворный остров, который видно из космоса и, как уверяют арабские пиарщики, даже с Луны. Красиво. Прямо как на картинке. Но стоит взглядеться — и на этих листьях, на виллах с частным выходом к воде, начинают мелькать силуэты. Кто-то в халате неспешно пьёт чай на веранде, параллельно решая вопросы с тендерами в Московской области. Это не туристы. Это местные. Свои.

Русский язык на Пальме давно перестал быть иностранным — он стал вторым родным. Здесь можно прожить неделю и ни разу не вступить в англоязычный диалог: от охраны на въезде до бариста в кофейне Voop Coffee — везде свои. Порой кажется, что арабские шейхи просто построили роскошные декорации, а массовку набрали в Telegram-каналах про переезд. На детских площадках у «ствола» мамы обсуждают не местный колорит, а цены на аренду в ЖК Fairmont и то, что «шведский стол в отеле за две недели, конечно, приелся, но лобстеров по пятницам всё ещё дают».

На «стволе» и «полумесяце» громоздятся многоквартирные башни, и в их окнах свет не гаснет до утра. Потому что в Москве рабочий день только начинается. Пальма — это пузырь внутри пузыря. Здесь удобно, чисто и предсказуемо. Из окон видно море, но на пляж многие выходят только к вечеру — чтобы песок не обжигал пятки. Идёшь по набережной мимо отеля Atlantis, мимо лимузинов с тонированными стёклами, за которыми угадываются силуэты пассажиров, уткнувшихся в телефоны. У каждого внутри — своя жизнь, своя вселенная.

Добраться до «большой земли» можно на монорельсе или такси. Монорельс — поезд без машиниста — скользит над водой, открывая виды, от которых у туристов перехватывает дух. Едешь с Пальмы в Дубай и чувствуешь себя пилотом, который вылетел с орбитальной станции на разведку. Возвращаешься обратно — и снова попадаешь в уютный кокон.

У этой пальмовой жизни, конечно, есть своя цена. И речь не только о дирхамах. Алкоголь, если брать не в отеле, а в городе, — это отдельный квест с алкомаркетами и лицензиями, так что проще купить бутылку пива в баре за тысячу наших рублей и сделать вид, что так и надо. Фрукты на завтрак — вечная дыня и арбуз, арбуз и дыня. А когда приезжают гости из России, их неизменно везут в SushiSamba на 51-й этаж отеля St. Regis — смотреть на Пальму сверху и офигевать. И сами офигевают, будто в первый раз видят. Хотя живут здесь уже пятый год.

Главное, что цепляет в этой пальмовой истории, — чувство временности. Кажется, все здесь существует в режиме «пока». Пока работаем. Пока растут дети. Пока не надоело. Снимают квартиры, меняют одну на другую в поисках балкона побольше и вида получше, кочуют между «стволом» и «ветками». А Пальма стоит. Насыпанная, рукотворная, ненастоящая — но стоит. И шумит русской речью, как тот самый пальмовый лист на ветру.

Володя перебрался сюда из Испании. Не то чтобы там ему не понравилось — просто оставаться стало небезопасно. О том, что он живёт в Испании, пронюхали журналисты, и во всех газетах Тольятти это упоминалось с той же регулярностью, что и прогноз погоды. Ждать, чем это обернётся, он не собирался. Хотя, с другой стороны, предъявить ему было нечего — ни вора, ни закону. Он купил билеты и полетел в родной город. В город, где его когда-то называли Папой. Где по одному его звонку могли остановить главный конвейер завода — его пульс. И снова запустить, если договаривались. Так уж вышло, что ему нужно было поменять паспорт.

Он спокойно зашёл в нужное учреждение и назвал свою фамилию. Девочка за стойкой даже не вздрогнула. Времена переменялись. Она приняла документы у главного бандита города и назвала сроки готовности. Володя вышел на улицу и огляделся. В него никто не стрелял. Да и не собирался, судя по всему. Город изменился. Он стал спокойным. Все, кто когда-то его беспокоил, либо лежали сейчас на «Аллее героев», либо сидели в тюрьме. Время изменилось. Володя присел на скамейку под каштаном и задумался, вспоминая то время, когда город был совсем другим.

Кстати, где-то здесь, между этими домами, раньше был мини-рынок. Среди лотков с семечками и дешёвым ширпотребом мужик торговал мясом. Говядина, свезатина, шестьдесят рублей килограмм. Недорого. Бабы приглядывались: цвет странноватый, волокно не то. Одна ткнула пальцем: это не говядина. Совсем не корова. Торговец исчез, бросив товар, быстрее, чем бабы закричали.

Менты подняли по тревоге весь Автоград. Нашли его быстро — он и не прятался. Объяснил просто: нашёл в мусорке, чего добру пропадать? Поехали к мусорным бакам. Вскрыли один, второй, третий. За домом на Ушакова — часть грудной клетки. У гаражей на Ленинградской — таз и низ живота. Собирали женщину по кускам, как пазл. Рылись в помойках, пока не сложили почти всё.

Кроме головы.

Убийцу нашли быстро — мальчишка двадцати двух лет. Нашлась и свидетельница, которая всё видела. Показала место. Там нашли микрочастицы, сколы костей, замытую кровь. Не нашли только голову. В те годы всё могло быть. Какой-нибудь случайный прохожий мог обнаружить голову и забрать себе. Зачем — это уже другой вопрос.

Автомобиль класса люкс остановился рядом с учреждением. Из него вышел человек в строгом костюме и двое телохранителей. Увидев Володю, человек как-то сразу сник, потеряв весь свой лоск, и с подобострастной улыбкой направился к нему. Володя ждал, спокойно наблюдая. Человек в дорогом костюме подошёл и протянул руку. Володя, глядя ему прямо в глаза, коротко кивнул, проигнорировав рукопожатие. Человек опустил руку и спросил:

— Могу чем-то помочь?

— Принеси мой новый паспорт, — ответил Володя.

— Конечно, — выдохнул человек и развернулся к учреждению. Охранники последовали за ним.

— Это кто? — тихо спросил один у другого.

— Напарник, — шепнул второй и нервно оглянулся.

Володя хмыкнул и подмигнул ему.

НАЙТСБРИДЖ

Лондон. Найтсбридж — район, где тишина стоит дороже машин, а приватность высечена в камне вместе с фасадами викторианских особняков.

Здесь не смотрят на закаты с балкона: здесь смотрят из окон на Гайд-парк и ценят закрытые скверы, в которые нельзя войти без ключа. Русские в этой части города — это те, для кого слово «престиж» давно стало синонимом слов «безопасность» и «никто не узнает». Экспаты, бизнесмены, бывшие авторитеты. Те, кто уехал не за туманом, а по обстоятельствам, мягко говоря, вынужденным.

«Красный директор» химзавода из Тольятти вписался в этот пейзаж идеально.

Утром он выходит в Гайд-парк, минуя всадников на Роттен-Роу. Охрана держится в отдалении — здесь так принято. Пахнет влажной землёй и деньгами, у которых нет национальности. Тишина. Та самая, за которую платят миллионы. Тишина, в которой тонет всё: прошлое, будущее, люди.

Но стоит закрыть глаза — и перед ними не аллеи, а 1998 год. Пригородный Тольяттинский лес, в котором нашли задумленную девушку по имени Елена.

Она была одной из тех, кого привозил Женёк Кутьминов. Тот курировал бизнес интим-услуг в Тольятти, работая на банду «Фантомасы», входившую в группировку Напарника. Директору Елена понравилась. Настолько, что он решил: никакой больше «работы», только с ним. Снял ей квартиру в Комсомольском районе, платил. Женьку было всё равно — он свои деньги получал.

А Елене было не всё равно. Её парень вот-вот должен был вернуться из армии. А тут — шестидесятилетний «хозяин», ключи, обязательства и компромат, который директор по пьяни или по глупости оставлял у неё. Аудиокассеты с разговорами об убийстве топ-менеджера с АвтоВАЗа. Документы по приватизации. Реестр акционеров.

Она решила: хватит. Потребовала немного — квартиру и свободу. Пригрозила: если нет — бумаги уйдут куда надо.

Директор обещал подумать. И подумал.

Встретился с Женьком. Две тысячи баксов — и вопрос решён.

Елену вывезли в лес. Сначала пытали — где компромат? Она сказала. Потом задушили. Закопали.

Ключи от её квартиры уже были у Женьки. Документы и кассеты забрали, отдали директору. Тот остался доволен.

Через два месяца Женька арестовали по другому делу и отправили на пожизненное в «Чёрный дельфин». Сидеть ему там до конца. А в 2005-м директор уехал в Лондон.

В Найтсбридже он живёт до сих пор.

Иногда, гуляя по парку, он вспоминает Лену. Ненадолго, краем сознания. Ровно настолько, чтобы убедиться: прошлое действительно тонет в этой тишине. За которую заплачено.

А где-то в Оренбургской области, в колонии для пожизненно осуждённых, Женёк Кутьминов смотрит в потолок и тоже вспоминает. У него времени больше.

Найтсбридж молчит. Здесь вообще мало что нарушает тишину.

МАТЬ

Часть первая

Женька был самым обычным, хоть и немного странным парнем. Так говорили все — и учителя, и соседи, и мать, когда обсуждала его с подругами на кухне. Обычный, но странный. Странный, но обычный.

В школе он учился старательно, будто боялся отстать от невидимого графика. Учителя его хвалили — редко, но искренне. По химии у него всегда была твёрдая пятёрка, и это было единственное, что выделяло его из серой массы одноклассников. Когда учительница Нина Петровна задавала сложный вопрос, Женька поднимал руку не сразу, а после паузы, словно преодолевая внутреннее сопротивление. Отвечал тихо, но верно. Иногда он чуть-чуть заикался на трудных словах — на «р» и на «с», — и тогда краснел и утыкался в парту.

— Молодец, Вахрушев, садись, — говорила Нина Петровна, и Женька садился, чувствуя на себе чужие взгляды.

Друзей у него не было. Это казалось странным, потому что он не был злым или противным. Просто он всегда держался немного в стороне: на переменах сидел за последней партой и читал что-то, принесённое из дома. Когда его звали играть в футбол, он отказывался — мяч летел не туда, ноги заплетались, а смех одноклассников был хуже двойки. Когда звали гулять — тоже отказывался, потому что надо было помогать матери или делать уроки. А может, просто боялся, что опять окажется лишним. После нескольких попыток его перестали звать.

Они жили с матерью в Центральном районе, на Бульваре Ленина, в старой трехэтажке с облупившейся штукатуркой. Квартира была однокомнатная, с узким коридором и балконом,

выходящим во двор, где вечно торчали качели без одной цепи и лавочки с бабками. Отец ушёл, когда Женьке было шесть лет. Мать тогда долго плакала, а потом перестала, и больше они об отце не говорили. Иногда Женька пытался вспомнить его лицо, но память выдавала только смутный силуэт в дверях и запах одеколона.

Бабушка умерла, когда Женька учился в восьмом классе. Последние месяцы она лежала в больнице, мать пропадала там сутками, а Женька оставался один и впервые в жизни почувствовал, как тихо бывает в пустой квартире. После похорон мать стала ходить в церковь. Сначала по праздникам, потом каждое воскресенье, а затем и в будни, когда находила на это силы. Она молилась дома перед маленькой иконкой, шептала что-то, и Женька привык к этому шёпоту, как привыкают к шуму дождя за окном.

В разговоры о религии она с ним не лезла. Ни разу не спросила: «Ты веришь?» или «Пойдём со мной». Просто проживала свою жизнь вместе с сыном в тесной однушке, ладил с соседками, получала скромную зарплату инженера и не лезла в долги. Им на двоих хватало. Иногда даже оставалось на новогодний подарок или на джинсы, которые Женька носил три года подряд.

После школы Женька поступил в колледж. Но не задалось с первого же месяца.

Может, специальность выбрал не ту, а может, рассчитывал, что в новом месте, среди новых людей, у него получится подружиться. Но и тут не вышло. Группа была шумная, ребята собирались компаниями, обсуждали сериалы и игры, звали друг друга в кафе. Женька сидел на задней парте и молчал. Когда кто-то обращался к нему, отвечал коротко и невпопад, и через месяц его перестали замечать.

Он стал прогуливать. Сначала пары, потом дни. Сидел в читальном зале городской библиотеки — там было тихо, пахло бумагой и клеем, никто не трогал. Листал подшивки «Науки и жизни», старые учебники по химии, которые никто не брал в руки годами. Делал выписки в тетрадь, чертил какие-то схемы.

Мать наконец догадалась. Однажды вечером она спросила:

— Женька, а ты документы из колледжа забрал? — голос у неё был спокойный, но Женька почему-то насупился и мотнул головой.

— Не забирал.

— А что думаешь делать дальше? — мать вздохнула и села на табуретку напротив него. — Горе ты моё. Завтра вместе сходим. И я как раз с дядей Петей разговаривала — помнишь, сосед с пятого этажа? Он тебя в бригаду грузчиков устроит. Временная работа, но деньги платят. Пойдёшь?

— Хорошо, — кивнул Женька.

Он всегда говорил «хорошо», когда не хотел спорить.

Часть вторая

Работа грузчиком оказалась тяжёлой и бессмысленной. Таскали стройматериалы с утра до вечера. Бригада состояла из мужиков разного возраста, которые курили в подсобке, матерились через слово и травили байки про женщин и начальство. Женька молчал, делал своё дело, старался не отставать.

— Эй, малой, ты чего как неродной? — спросил его однажды бригадир дядя Петя. — Иди на перекур, отдохни.

— Я не курю, — ответил Женька.

— Не куришь? — удивился дядя Петя. — А чего так? Все курят, один ты как белая ворона. Давай, привыкай, жизнь такая.

Женька пожал плечами.

Через неделю мать застала его на балконе с сигаретой.

— Ты курить стал? — спросила она, и в голосе её было не столько осуждение, сколько усталость.

— В бригаде все курят, — ответил Женька, глядя в сторону. — Один я рядом стою, задыхаюсь. Лучше уж тоже закурить, чтобы не выделяться.

Мать покачала головой и ушла на кухню.

Он продержался на работе три месяца. Уволился сам — пришёл, написал заявление и ушёл, не дожидаясь расчёта. Дядя Петя потом звонил матери, говорил: «Павловна, чего пацан ломается? Пусть приходит, место держу». Но Женька наотрез отказался.

— Не хочу больше, — сказал он матери. — Там только руки портить и курить. Ничего полезного.

— Ну как знаешь, — вздохнула она. — Найдёшь другую.

Но с поисками новой работы Женька не спешил. На заработанные деньги он купил компьютер — подержанный системный блок и старый монитор, которые за полцены отдавал сосед снизу. Поставил на стол в углу, подключил провод, и с тех пор проводил за монитором целые дни.

Мать сначала тревожилась: игры, интернет — пропадёт парень. Но присмотрелась — нет, не бездельничает. В игры не играет, в соцсетях не сидит. Открывает какие-то сайты с формулами, читает, записывает в тетрадь. Иногда смотрит видео — лекции по органической химии, эксперименты, опыты.

— Ты чего это делаешь? — спросила она однажды, заглядывая через плечо.

— Изучаю, — ответил Женька. — Химия, мам. Это интересно.

— А зачем тебе?

— Ну... просто. Может, пригодится.

Мать не стала допытываться. Пусть, лишь бы делом занят.

Однажды он попросил:

— Мам, купи холодильник.

— Холодильник? — удивилась она. — Зачем? У нас же есть, хороший.

— Маленький холодильник. Для моих опытов. Чтобы реагенты хранить. А то в комнате тепло, портятся.

— Для каких опытов? — насторожилась мать.

— Для химических. Я тебе показывал.

Она вспомнила: да, показывал, говорил что-то про удобрения, про кристаллы. Тогда она не придала значения, а теперь подумала: может, и правда, лучше иметь отдельный холодильник, чтобы еда химией не пахла.

— Ладно, — сказала она. — Посмотрим.

Холодильник купили с рук. Женька сам забирал, сам тащил на этаж, сам поставил в углу своей половины. Мать видела, как он аккуратно расставляет на полках банки и бутылки с непонятными надписями, как перебирает какие-то пакеты.

— Ты там осторожнее, — сказала она.

— Я знаю, что делаю, — ответил сын.

Она поверила.

А потом он стал пропадать. Уходил утром, возвращался к вечеру. Мать спрашивала: где был? Отвечал: в лес ездил, за город.

— Зачем?

— Эксперименты проводил. Там людей нет. Некоторые вещества могут взорваться, если неправильно смешать.

— Взорваться? — у матери сердце ёкнуло. — А это не опасно?

— Нет, — улыбнулся он впервые за долгое время. — Я аккуратно.

Она вздохнула. Может, и правда аккуратно. Может, это его призвание — химия. Выучится, поступит в институт, станет учёным. Вон, Ломоносов тоже из простых был.

Она не спрашивала, что именно он делает в лесу. Не хотела мешать.

Часть третья

Тот день, 31 октября 2007 года, начался обычно. Утром по телевизору шли новости, говорили про погоду — обычная утренняя болтовня. Мать переключила канал и вдруг услышала голос диктора:

— В Тольятти, в автобусе маршрута № 2, следовавшем по Центральному району, произошёл взрыв. Восемь человек погибло на месте, ещё около пятидесяти ранены.

По телевизору показывали чёрные пакеты с телами на земле, носилки, плачущих людей.

Мать медленно подняла глаза на экран и опустилась на табурет.

Женьки не было. Компьютер выключен. Записки он не оставил.

Она позвонила на мобильный — недоступен. Позвонила дяде Пете — не видел. Соседям — никто не видел.

Утром пришли.

Мать открыла дверь и увидела на лестничной клетке людей в форме. За их спинами маячили соседи, выглядывали из своих дверей, перешёптывались.

— Надежда Павловна Вахрушева?

— Я.

Обыск в квартире длился несколько часов. Мать сидела на кухне, сжимая в руках кружку с остывшим чаем, и смотрела, как чужие люди перебирают вещи её сына. Вскрывали холодильник, вынимали банки, пакеты, блокноты. Фотографировали компьютер, снимали отпечатки пальцев.

— Что он делал? — спросил один из них, показывая на баллончики и колбы.

— Я не знаю, — сказала мать. — Говорил, опыты. Для себя.

— Для себя, — повторил тот и покачал головой.

Потом её допрашивали снова. Задавали вопросы: когда он ушёл, что говорил, с кем общался, какие сайты смотрел, не упоминал ли политику, религию, не говорил ли плохо о власти.

— Нет, — отвечала мать. — Он вообще не говорил о политике. Он говорил только о химии. Он был хороший мальчик.

Следователь вздохнул и закрыл папку.

— Мы сообщим, когда можно будет забрать тело.

— Тело? — переспросила мать.

Часть четвёртая

Дождь шёл с утра. Чёрный, обложной, какой бывает только в ноябре, когда небо нависает над головой мокрой ватой и кажется, что свет никогда не включится снова.

Гроб привезли из морга в ПАЗике с тонированными стёклами. Мать стояла у подъезда, прижимая руки к груди. Вокруг толпились старушки-соседки — те, кто ещё мог ходить, кто не боялся дождя и людского осуждения.

Машина остановилась. Люди в чёрных повязках вышли, молча посмотрели на неё.

— Дождь, — сказала мать тихо. — Не вынимайте.

Соседки зашептались. Они уже знали про обыск, про то, что нашли в Женькином холодильнике. Знали, что говорят по телевизору. Знали, в чём обвиняют её мальчика.

— Я и представить себе не могу, какого сейчас матери, — вздохнула одна.

— Да непонятно ещё ничего, — ответила вторая. — Может, ошибка.

— Какая ошибка? Вон, целый автобус людей.

Мать не слышала их. Она смотрела на гроб и думала о том, что вчера достала его детскую фотографию — первый класс, форма, огромные цветы в руках. И не могла соединить того улыбающегося мальчишку с этим чёрным ящиком и с теми словами, которые говорили по телевизору.

На кладбище было мокро и пусто. Могила уже ждала — вырытая вчера, сегодня наполовину заполненная водой. Мать стояла у края и не плакала. Слезы смешивались с дождём и стекали по щекам, их никто не видел.

Могильщики опустили гроб, засыпали землю, установили деревянный крест.

Мать посмотрела на крест, потом на табличку в руках могильщика.

— Не надо, — сказала она вдруг тихо, но твёрдо. — Не ставьте.

— Как же без имени? — удивился рабочий.

— Не надо, — повторила она и отвернулась.

Табличку убрали. Крест стоял одинокий, без имени, и только единственный скромный веночек желтел на мокрой земле. На его чёрной ленте было выведено белыми буквами: «От мамы».

Люди сели в автобус. Мать вошла последней, остановилась у двери, оглянулась.

Автобус тронулся. На выезде с кладбища они встретили несколько грузовиков с гробами, автобусы с людьми, машины с венками. Хоронили погибших в автобусе № 2. Люди вышли и понесли гробы. Процессия медленно двинулась мимо одинокого креста. Кто-то из прохожих остановился на мгновение, посмотрел на безымянный холмик, перекрестился и пошёл дальше.

Никто не знал, кто там лежит.

Никто не прочитал надпись на единственном венке.

БЕШЕНЫЙ

Глава 1. Уроки

Бешеный любил отца. Тот приходил внезапно и снова пропадал. Сидел за тяжкие телесные, разбой и хулиганку. За отцом была не одна ходка.

— Ты думаешь, что он сильнее тебя? — спрашивал отец. — Нет. Он зайдёт так же, как и все, просто нужно знать куда бить. Если резко ударить по носу, то можно и похоронить. Тут уж сам смотри. Или бей резко в шею! Даже не раздумывай. Дыхание перехватывает — и он сразу весь твой. Тут же меси его, не жалея.

Отец показывал на себе, сжимал кулак, и Бешеный видел, как напрягаются жилы на его руке.

— В солнечное сплетение бей ногой! Можно и рукой, но ногой лучше, проверено. Бей ногой по колену. Не раздумывай даже, если он больше тебя. Как упадёт — добивай его жёстко, чтоб знал, с кем связался.

Бешеный внимал. Ему было двенадцать, когда отец впервые посадил его, напротив, и заговорил об этом. Не как с ребёнком — как с равным.

Потом отец уходил. Мать молча собирала ему сумку, отворачивалась к стене и долго не вставала с кровати. Бешеный привык.

— Это один из лучших уличных бойцов, — говорили ему старшие во дворе. — Но вот только беспредельщик он. Чуть что не по нему — бьёт не задумываясь и наверняка. Столько пацанов ни за что покалечил. Предъявлять бесполезно — сразу месит всех! Только на зону сдавать. Вот и сидит по жизни батя твой.

— Как он так драться научился? — спросил Бешеный.

— С армейки такой вернулся. Ты чего, не видел его ордена?

Бешеный помотал головой:

— Он об этом ничего не рассказывал. А мать молчит.

— Да? — Старший почесал щетинистый подбородок. — Но вот тогда крыша у него и потекла. Пошутил неудачно при нём — и всё, реанимация. Шутки он понимать перестал. Жёстким стал. Не жалел никого в драке. Троих ему замахать — как два пальца обоссать.

— А друзья у него были? — не отставал Бешеный.

— Какие у Волка друзья? — удивились старшие. — На то он и Волк, что среди людей не уживается. Вот на зоне, говорят, была у него своя стая. Ты спроси у Ковра, он с ним как раз и сидел.

Глава 2. Ковёр

Отец пропал полгода назад. Вышел из зоны и не доехал. Просто испарился.

Бешеный долго ждал. Сначала думал — может, загулял с корешами, такое бывало. Потом — может, взяли сразу на выходе, бывает, что менты встречаются. Но прошёл месяц, второй. Мать постарела лет на десять, перестала выходить из комнаты. Соседи шептались за спиной:

— Это сын того бешеного.

Потом стали звать просто Бешеный.

Но своё прозвище он не оправдывал. Наоборот, был слишком уравновешенным и общаться умел. А ещё авторитет отца помогал ему находить общий язык со всеми. К нему тянулись, хотя и побаивались — вдруг в отца пойдёт? Вдруг та же кровь в нём играет?

Ковёр попал на зону за убийство. Зарезал собутыльника, тело замотал в ковёр, погрузил на верхний багажник своей раздолбанной тачки и повёз в лес. У леса его догнали гаишники. Поняли, что бухой, обнаружили лопату в багажнике. Размотали ковёр, а трупа там не было. Вылетел по дороге — плохо замотал по пьяни. Нашли недалеко от дома, он вылетел на первой же кочке. Так Ковёр заехал на зону с новым погонялом.

Бешеный встретил его у подъезда. Ковёр стоял в сланцах на босу ногу, держал в одной руке бутылку пива, а в другой сигарету. Бешеный представился и спросил об отце.

— Пропал, значит, батя? — Ковёр задумался, сощурился, оглядывая парня с ног до головы. — То-то я его на районе давно не вижу. А так совсем не удивлён — врагов у него было как этих мух.

Он отмахнулся рукой, отгоняя муху, которая и не думала подлетать.

— Многим он там дорожку перешёл. Авторитетов для него не было. Жил с бандитами, которые по беспределу чалились и воровские понятия не признавали. Но его уважали. Хоть он и без понятия был, но с ментами не сотрудничал и дятлов на раз-два вычислял. Нюх у него был на них — как у волка. Поэтому и Волк.

— А где он служил, не знаешь? — спросил Бешеный.

В глазах Ковра промелькнуло опасение.

— Его об этом никто не спрашивал, — осторожно ответил он.

— Почему?

— Один спросил, так он больше не может разговаривать.

Ковёр заозирался по сторонам, хотя двор был пуст.

— Неужели никто не знает? — удивился Бешеный. — Разве так бывает?

— Ну, это же зона. Кому надо знать — знают. Гурген там за смотрящего. Ему положено всё знать о сидельцах.

— Где его можно найти? — Бешеный подался вперёд.

— Да всё там же, на зоне. — Ковёр ухмыльнулся. — Спросить, конечно, можешь, но вот будет ли тебе Гурген отвечать — это другой вопрос. Человек нужен, которого Гурген знает.

— Есть такой?

— Есть у него кореш. Живёт рядом, зону греет. Можно через него вопрос твой закинуть.

— Сможешь помочь? — Бешеный смотрел прямо, не отводя взгляда.

Ковёр помолчал, подумал. Докурил, затоптал бычок.

— Ладно. Я бате твоему обязан. Попробую. Жди. Сам тебя найду.

Глава 3. Нить

Бешеный ждал несколько дней. На четвёртый день в его комнату зашла мать.

— Там к тебе, — кивнула она на входную дверь.

На пороге стоял Ковёр. Одет был уже не в сланцы — в нормальные ботинки, куртку. Видно, что по делу пришёл.

— Выйдем? — предложил он.

Вышли во двор, сели на лавочку. Уже стемнело, случайных прохожих не было. Только где-то лаяла собака да хлопала форточка на третьем этаже.

— Батя твой военным был не из простых, — начал Ковёр. — И это пока всё, что тебе о его прошлом нужно знать. Потому что пропал ли он — это ещё вопрос. Может появиться и спросить за длинный язык. Раз он сам ничего не рассказывал — значит, так надо было.

Ковёр сделал паузу, достал сигарету, прикурил, глубоко затянулся.

— Что это значит? — спросил Бешеный.

— Приходили к нему военные на зону. Серьёзные. Дверь к гражданину начальнику ногой открыли, можно сказать. — Ковёр выпустил дым в темноту. — Долго с твоим батей базарили. О чём — никто не слышал. Но только после той свиданки батя твой через несколько дней вышел. Смекаешь? А вот куда поехал — никто не знает. Но только не доехал он никуда.

— А военные?

— Искали его военные. Тоже. По всему раскладу, Волк лыжи смазал и подался в бега. Дома ему теперь появляться не в тему. Отсидится где-то, может, весточку пришлёт вам с матерью. Жди, малой.

Ковёр поднялся, собираясь уходить.

— Поезд! — крикнул Бешеный ему вслед.

— Что? — Ковёр развернулся.

— Отец садился в поезд? Его видели?

Ковёр пожал плечами:

— Спрашивал я. Говорят, брал билет до Красноярска. А там след простыл. Может, сошёл где по дороге. Может, и не уезжал вовсе. Тёмное дело.

Он ушёл в темноту, и Бешеный долго ещё сидел на лавочке, глядя на жёлтый свет в окнах.

Глава 5. Экзамен

Поезд №77 «Тында — Москва» остановился на полустанке под Красноярском. Бешеный вышел из вагона и медленно пошёл сквозь метель, направляясь к светящимся окнам посёлка.

Вагон качнулся и поплыл дальше, в темноту, а он остался один на перроне — если это можно было назвать перроном. Дощатый настил, занесённый снегом, одинокий фонарь, который раскачивал ветер, и вдалеке — огни посёлка.

Бешеный шёл, проваливаясь в сугробы. Трёхэтажная панелька с одним уличным фонарём у крайнего подъезда оказалась под тем номером, который он искал. Бешеный поднялся на второй этаж, постучал. Тишина.

Дёрнул ручку — дверь не заперта.

Он вошёл без стука.

На кухне за столом сидели трое.

Первый даже не понял, что произошло. Кулак Бешеного вошёл ему точно под челюсть, в кадык. Мокрый хруст — и глаза полезли из орбит. Пальцы вцепились в горло, и он рухнул на пол, заваливая стул.

Второй дёрнулся встать, но Бешеный уже разворачивался — носком ботинка под дых, в солнечное сплетение. Удар вышел глухим, как по мешку с песком. Мужик сложился пополам, выхаркивая воздух вместе с ужином.

Третий, самый шустрый, уже тянулся к столу, где под полотенцем угадывался ствол. Бешеный успел раньше — ребром стопы въехал ему сбоку по колену. Хрустнуло громко, поживому. Третий взвыл и повалился набок, цепляясь за стену.

Секунда тишины. Только хрипы и мат.

Бешеный не дал им прийти в себя. Подскочил к первому — тот ещё дёргался, пытался вдохнуть — и дважды всадил каблук в лицо. Кровь брызнула на линолеум. Развернулся ко второму — добавил носком в ухо. Раз, второй — голова мотнулась, как тряпичная.

Третий, с переломанной коленкой, выл и шарил рукой по столу. Нашупал. Выдернул ствол.

Бешеный увидел металлический отблеск краем глаза — и нырнул вниз, уходя с линии огня, одновременно выбрасывая руку. Кулак пришёлся точно в переносицу, со всей дури, с довесом корпуса. Кость вмялась внутрь, брызнуло алым. Третий опрокинулся навзничь, пистолет вылетел из ослабевших пальцев, закувыркался по полу.

Бешеный подхватил его не глядя и сразу выстрелил. Первый как раз пытался подняться, опираясь о стену, — пуля вошла в затылок. Тело обмякло и сползло вниз, оставляя на обоях тёмный след.

Третий лежал на спине, разбитое лицо превратилось в кровавую маску, но грудь ещё вздымалась. Бешеный шагнул к нему. Опустился сверху, вдавил колено в грудину, перекрывая дыхание. Глаза раненого распахнулись — мутные, полные боли и страха. Бешеный сунул ствол ему под подбородок, задирая голову, а свободной рукой вытащил из кармана мятую фотографию. Развернул перед лицом.

— Где? — голос ровный, без эмоций.

Третий захрипел, пытаясь сглотнуть кровь. Зрачки заметались по снимку. Бешеный чуть ослабил нажим колена, давая глотнуть воздуха.

— Я.. не...

Колено снова вжалось в грудь, хрустнули рёбра.

— Где этот мужик?

В глазах жертвы промелькнуло узнавание. И обречённость.

— Вы сели с ним в одно купе на этой станции. Что было дальше? Говори!

Он чуть повернул дуло пистолета у него под подбородком.

— Мы катались, — быстро заговорил мужик. — Предложили сыграть. Но этот...

Он кивнул на фотографию.

— Сразу же срисовал нас и стал предъявлять. Потом вырубил этих.

Он мотнул головой в сторону.

— Я успел достать ствол и выстрелил. Наглухо.

— Куда скинули тело? — тихо спросил Бешеный.

— В реку. На ходу. Чемодан его к ногам привязали...

— Что взяли?

— Бабки.

— И всё?

— Ещё медаль. В коробочке.

— Где она?

— Там. В буфете на полке.

Он указал глазами.

Пистолет выстрелил.

Бешеный поднялся. Подошёл к буфету. Открыл створку.

Красная коробочка лежала на верхней полке, за пыльными рюмками. Он взял её, открыл.

Внутри лежала медаль. Перекрещенные сверху мечи, пятиконечная звезда с отходящими от неё жёлтыми лучами.

Он закрыл коробочку, сунул во внутренний карман куртки. Вышел из квартиры, притворив за собой дверь.

В подъезде горела тусклая лампочка. С лестничной клетки тянуло холодом. Бешеный спустился на первый этаж, толкнул дверь и вышел в метель.

Снег падал крупными хлопьями, заметая следы. Где-то вдалеке гудел поезд. Бешеный достал коробочку, ещё раз взглянул на медаль при свете уличного фонаря, потом спрятал обратно и пошёл к станции.

Поезд на Москву должен был быть через три часа.

БУЛЬВАР КОСМОНАВТОВ

Антон жил обычную жизнь. Ходил в детский сад, потом в школу.

После школы служил в армии, вернулся, устроился на завод. Женился. Детей у него не было — он их не любил и просто не представлял себя отцом. У жены была дочь от первого брака, но с ними девочка не жила: она осталась с бабушкой. Такое положение устраивало всех. В остальном всё было как у людей. Но только не у Антона.

Он, конечно, выпивал. Но не так, как пьют алкоголики, а так, как выпивают все. Только люди пьют молча, не выходя из квартир, а Антон пил иначе. Он начинал пить, когда у него возникали проблемы: денег не хватало, долги образовывались или жена уходила. Жена, кстати, в конце концов действительно ушла — так и не поняв, что с ним происходит.

Жил Антон в Тольятти. Пережил и лихие девяностые, и двухтысячные. Купил квартиру и потихоньку за неё расплатился. Но как только накатывало, как только возникали трудности, он пил. А потом собирался и ехал на Бульвар Космонавтов, в пятнадцатый квартал. Никто не мог его остановить: ни жена, ни здравый смысл. Он просто собирался и ехал.

От остановки долго шёл пешком, иногда заходил в магазин, брал пиво и выпивал по дороге. В пакете он нёс бутылку дешёвого вина и бокал. Он приходил на бульвар и садился на лавочку. Лавочка для него была одна-единственная — он давно запомнил её.

Из пакета доставал бутылку и наливал стакан. Ставил его рядом с собой. Его не интересовало, сидит кто-то рядом или нет, ему нужна была именно эта лавочка.

Он садился, улыбался и, поворачивая голову налево, говорил:

— Привет! Как ты, брат?

Не дожидаясь ответа, начинал рассказывать о своих проблемах. Вслух. Прохожие косились на Антона, разговаривающего с воображаемым другом. Антона это не беспокоило. Ему нужно было высказаться. И он говорил. Иногда прерывался, наливал в стакан дешёвого вина, выпивал, ухал и закуривал. Потом наливал снова и продолжал говорить. Тёр ладонь о ладонь, проводил рукой по голове, чесал шею и вспоминал.

Вспоминал двор, друзей, как сидели в потёмках, играли на гитаре, смеялись, обсуждали девочку. Как думали, что проживут большую, интересную жизнь.

Жизнь оказалась не такой уж интересной. И сложной. Всё время возникали проблемы. Она оказалась совсем не похожа на песни под гитару, где герой всё преодолевает. Постоянно вылезало то одно, то другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.